

**Михаил
Лермонтов**

Михаил Лермонтов

Белеет парус одинокий

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Л49

Составитель и автор вступительной статьи
А. Марченко

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Лермонтов, Михаил Юрьевич.

Л49 Белеет парус одинокий / Михаил Лермонтов. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Золотая коллекция поэзии).

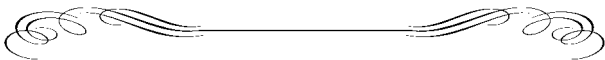
ISBN 978-5-04-109101-9

Книга избранной лирики Михаила Юрьевича Лермонтова, великого поэта, без которого нельзя представить себе русскую и мировую литературу. Стихотворения и поэмы Лермонтова, трагически погибшего на дуэли, как и его предшественник и сосед по поэтическому олимпу Александр Сергеевич Пушкин, стали одним из главных откровений XIX века.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-109101-9

© Марченко А., вступ. ст., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ЕСЛИ БЫ ЭТОТ МАЛЬЧИК ОСТАЛСЯ ЖИВ

Считается, что истинное место Лермонтова в истории отечественной словесности — сразу после Пушкина, как якобы утверждал еще при жизни поэта Виссарион Белинский. Белинский действительно написал о Лермонтове несколько замечательных по проницательности статей, но на такую дерзость все-таки не осмелился. *Глубокая творческая натура, поэт с большими, даже великими надеждами, но, увы, ушел из жизни, так и не преобретя права быть сравниваемым не только с Пушкиным, но и с Гоголем.* Это право Михаил Юрьевич Лермонтов приобрел лишь шестьдесят лет спустя, после того, как Александр Блок взял на себя смелость заявить во всеуслышание:

«Лермонтов и Пушкин — образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы...».

Загадка эта до сих пор не разрешилась... Причем варианты разгадок предлагаются самые удивительные. Недавно, например, один молодой и бойкий прозаик объявил миру и граду, что Николай Мартынов и не думал убивать своего однокашника по юнкерской школе, а по его настоятельной просьбе хотел нанести приятелю «небольшое ранение», дабы поэта не отправили на чеченский фронт! Правда, выдвигались и еще более несуразные, смехотворно дилетантские версии. Дес-

каль, Михаила Юрьевича пристрелил спрятавшийся в кустах казак, подкупленный жандармами по личному приказу императора Николая. Впрочем, и вполне серьезные литераторы до сих пор, основываясь на ранних, полудетских его стихах, считают Лермонтова одни — «демонической личностью» и чуть ли не «избранником зла», другие — поэтом сверхчеловеческого, третьи убеждены, что и под чеченские пули, и под дульный пистолет он подставился, чтобы избавиться от «скуки жизни». Даже Б. М. Эйхенбаум, замечательный филолог, написавший о творчестве Лермонтова несколько классических исследований, утверждал, что поэт не только в ранней юности, но и в зрелые годы был занят только своей судьбой как мировой проблемой!

Между тем если, освободившись от давления авторитетных мнений, своими глазами взглянуть на те произведения, которые Михаил Лермонтов счел возможным и необходимым опубликовать, а не на опыты, оставшиеся в черновых рабочих тетрадах, нельзя не прийти к прямо противоположному заключению! Именно у Лермонтова поразительно мало «песен про себя»!

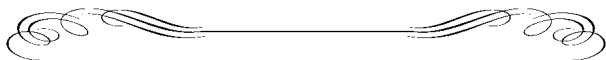
«Маскарад», «Сашка», «Княгиня Лиговская», «Гамбовская казначейша», «Смерть Поэта», «Поэт», «Памяти Одоевского», «Гете», «Бородино», «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Мцыри», «Казачья колыбельная песня», «Не верь себе, мечтатель молодой...», «Дума», «Герой нашего времени», «Три пальмы», «Дары Терекка», «Воздушный корабль», «Родина», «Свиданье», «Завещание», «Валерик», «Спор», «Сон», «Тамара», «Листок», «Морская царевна», «Кавказец».

Петербург, Москва, провинция, Кавказ и кавказцы, война и мир, быт и история... И ведь не просто же панорама, собрание пестрых глав, сцен и картин, но и ха-

рактеры и судьбы, лица и положения! А о себе любимом? Раз-два и обчелся: «Молитва», «И скучно, и грустно...», «Ребенку», «Выхожу один я на дорогу...», «Как часто пестрою толпою окружен». Можно с известной натяжкой добавить в этот дневник души «Пленного рыцаря», но и только, ибо три удивительных женских автопортрета — А. С. Смирновой, М. А. Щербатовой и В. К. Воронцовой-Дашковой — это портреты не модных красавиц, а характеристических лиц светского Петербурга, и вовсе не личные лирические послания к женщинам своего вкуса и эстетического выбора. Как бы заготовки к тем огромным романам, план которых Лермонтов продумал до мелочей, пока его держали под арестом за глупейшую вздорную дуэль с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Один роман — «из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене. Второй — из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» (Из воспоминаний Михаила Глебова, секунданта поэта на последней (июль 1841) дуэли с Николаем Мартыновым).

Словом, воленс-ноленс, а придется признать: больше всего похоже на разгадку загадки Лермонтова мнение Льва Толстого: «...если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский!»

Алла Марченко

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

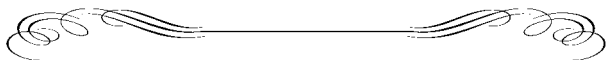
1841

М. Ю. Лермонтов в годы студенчества.
Худ. П. Е. Заболотский. 1840 г.

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Из глубины монастырской кельи красота Тамары бросает вызов Демону... Все... конфликты рождаются у Лермонтова около красоты. У него она — одно из осложнений жизни, одна из помех для свободной души... Когда я читаю в песне о Стеньке Разине, как чувствовал он когда-то Волгу персидской царевной, я невольно думаю именно о Лермонтове.

*Иннокентий Анненский.
Из эссе «Символ красоты
у русских писателей»*

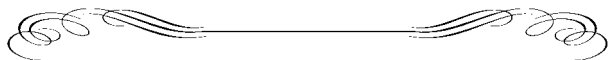

Люблю,
люблю одну!

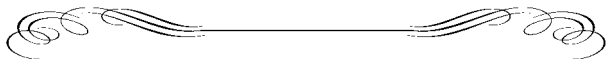
В. А. Лопухина в виде испанской монахини.
Акварель М. Ю. Лермонтова

В прозаическом отрывке «Я хочу рассказать вам...» Лермонтов высказал одну из заветнейших своих мыслей: «Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, но они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно и дают тайное направление чувствам и поступкам». В жизни самого Лермонтова таким чувством, давшим тайное направление многим его поступкам, а главное — стихам, была его любовь к Варваре Александровне Лопухиной. В первой главе нашей книги представлены произведения, либо прямо к ней, «подруге юных дней», обращенные, либо в той или иной степени отражающие историю их отношений. На том же основании в этом же разделе поэма «Демон» печатается в варианте 1838 года, который был подарен Варваре Александровне с особым *Посвящением*.

А. Марченко

Будучи студентом, он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Варвару Александровну Лопухину... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно. И едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения.

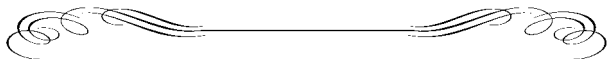
*Аким Шан-Гирей¹.
4 декабря 1831 года.
День именин Варвары Лопухиной.
Москва. Малая Молчановка*

Вечером, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страдания!

М. Ю. Лермонтов. Из дневниковых заметок

---

¹ А к и м Ш а н - Г и р е й — троюродный брат поэта. Товарищ его детства и юности.

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832